

Ван Чжэнь совершенно искренне воскликнул:

— Я стал Цзеюанем, а младший соученик — Яюанем. Мы забрали первые два места. Это подобно тому, как дракон и феникс приносят процветание, — наша школа теперь укомплектована сполна.

Тан Шэнь:

— ...

«Да этот Ван Цзыфэн умом тронулся, не иначе!!!» — подумал он.

От автора:

Малыш Тан: И кто из нас феникс, а кто дракон?!

Сосед Лао Ван: М-м? Я лишь сказал, что мы с младшим соучеником — выдающиеся люди, подобные драконам и фениксам. Неужели младший соученик подумал о чем-то другом?

Они пили чай в гостиной, когда на улице мало-помалу пошел дождь. Это был внезапный стремительный ливень; сквозь стены долетал лишь звонкий стук капель, бьющих по листьям бананов.

Ван Чжэнь тихо смаковал чай. На нем было надето совершенно новое алое чиновничье платье — судя по всему, он пришел к Тан Шэню сразу же, как вернулся в усадьбу. Тан Шэнь украдкой разглядывал его. Он знал, что этот старший соученик, хоть и был... в некотором роде странным, непредсказуемым в поступках и загадочным, но, судя по всему, не желал ему зла.

Тан Шэнь мысленно вздохнул: просто Ван Цзыфэн любит язвить, с этим придется смириться.

Пока Тан Шэнь настраивал себя на нужный лад, Ван Чжэнь вдруг спросил:

— Во второй части провинциального экзамена ты выбрал пять вопросов по «Чжоу и»?

Тан Шэнь опешил, но выпрямился и ответил:

— Да. Я слышал от вас, брат Цзыфэн, что главный экзаменатор этого года, Ученый Ян, любит «Чжоу и», поэтому решил пойти на хитрость и выбрал ее.

— Написано неплохо.

В голове Тан Шэня промелькнула мысль: «Откуда тебе знать, хорошо ли написано?»

Но тут же до него дошло. Ученый Ян и Ван Чжэнь служили при одном дворе, да и то, что Тан Шэнь приходится Ван Чжэню младшим соучеником, в Академии Гоцзыцзянь ни для кого не было секретом. Вполне вероятно, что Ученому Яну это тоже было известно. А значит, он мог с глазу на глаз рассказать Ван Чжэню о его сочинении.

Едва смирившись с этой мыслью, Тан Шэнь взял чашку и уже собирался сделать глоток, как вдруг увидел, что Ван Чжэнь достает из широкого рукава толстую пачку рисовой бумаги. На верхнем крае пачки виднелись едва заметные следы клея. Стоило Ван Чжэню начать перелистывать листы, как Тан Шэнь разглядел на них безукоризненный, уверенный почерк Гуаньгэ!

Тан Шэнь остолбенел. Он так и застыл с чашкой в руке на полпути — ни выпить, ни поставить обратно.

Вот это да!

Ван Цзыфэн докатился до такого злоупотребления властью!

Он умудрился втайне забрать даже его экзаменационную работу с провинциального экзамена!!!

Если перенести это в его прошлую жизнь, это все равно что выкрасть бланки ответов с единого госэкзамена!

Словно услышав немые крики Тан Шэня, Ван Чжэнь поднял голову и, заметив его потрясенное лицо, с притворным удивлением спросил:

— Неужели младший соученик не знает, что работы провинциального экзамена можно свободно запрашивать?

— Что?

— Во избежание предвзятости или ошибок при проверке, любой кандидат после оглашения результатов может запросить свою работу. Работы начального экзамена хранятся в уездной управе в течение года. Работы провинциального и столичного экзаменов — три года в Академии экзаменов. Младший соученик действительно этого не знал?

Тан Шэнь:

— ...

Откуда ему было знать о таких тонкостях!

Но раз кандидаты и правда могут свободно запрашивать свои работы, то появление этой пачки в руках Ван Чжэня уже не выглядело столь пугающим.

Ван Чжэнь с улыбкой позвал:

— Садись ближе, посмотрим вместе.

Поколебавшись мгновение, Тан Шэнь подошел к Ван Чжэню и сел рядом.

В гостиной стояла кушетка-рохань из резного сандала. Стоило отодвинуть в сторону небольшой столик, стоявший посередине, как на ней свободно помещались двое.

Провинциальный экзамен длился девять дней — три тура по три дня каждый. Все это время Тан Шэнь не мог нормально помыться и толком отдохнуть. То, что он вообще сумел дописать работу до конца, ослабило его силы. Теперь же возможность увидеть то, что он написал, не только помогала освежить знания в памяти, но и позволяла проанализировать свои промахи и недочеты.

Тан Шэнь просмотрел свои сочинения из первого тура. Сейчас он понимал, что некоторые фразы стоило сформулировать иначе — так они точнее передали бы смысл и звучали бы гораздо выразительнее. Перевернув лист, он увидел прикрепленный экзаменатором отзыв: «Вступление написано великолепно, слог легкий и непринужденный, переходы плавные, ритм

выверен».

Для проверяющих на провинциальных и столичных экзаменах самым мучительным было то, что к каждому сочинению, даже самому бездарному, они обязаны были прикрепить отзыв. Обычно эти отзывы штамповались под копирку. И только если работа оказывалась выдающейся и приводила экзаменатора в такой восторг, что он не мог удержаться и писал оценку от руки, отзыв не был шаблонной наклейкой.

К первому туру Тан Шэня был приклеен как раз такой готовый шаблон.

Зато во втором туре, под пятью сочинениями по «Чжоу и», красовалась написанная чьей-то рукой прекрасная скоропись в стиле каллиграфии клана Ван.

— Говорят, Ученый Ян написал это собственноручно, — заметил Ван Чжэнь.

Ученый Ян написал: «Истинное изящество слога раскрывается тем глубже, чем дальше в него вникаешь; в нем бьет ключом неодолимая внутренняя сила, и выражено здесь то, о чем иные и сказать бы не сумели».

Тан Шэнь кивнул.

Ученый Ян и впрямь был без ума от «Чжоу и».

Соученики провели в гостиной какое-то время, обсуждая экзаменационную работу Тан Шэня. Ван Чжэнь давал наставления, а Тан Шэнь согласно кивал. Когда на небе возшла луна, Ван Чжэнь позвал управляющего:

— Готов ли ужин?

— Уже давно все готово, — ответил тот.

Ван Чжэнь повернулся к Тан Шэню:

— Тогда оставайся на ужин.

— Хорошо.

После ужина Тан Шэнь попрощался с Ван Чжэнем. Тот уже успел переодеться в шелковый халат цвета индиго. Подобный оттенок чаще выбирали благородные девицы, но на Ван Цзыфэне он лишь подчеркивал его статность и изящество. Перед уходом Тан Шэня Ван Чжэнь велел слуге-помощнику принести прописи.

— Хотя на столичном экзамене почерк уже не так важен, ведь каждую сданную работу переписывают начисто, чтобы избежать предвзятости.

Тан Шэнь знал об этом. На столичных экзаменах не только заклеивали имена кандидатов, но и специально нанимали грамотных ученых, чтобы те переписывали каждую работу. В итоге проверяющие оценивали не оригинальные листы, а их копии. Это помогало свести к минимуму подлоги и мошенничество.

— Но даже при этом умение красиво писать имеет огромное значение, — добавил Ван Чжэнь.

Сердце Тан Шэня екнуло. Неужели Ван Чжэнь снова собирается устроить ему покровительство? Немного посомневавшись, он осторожно спросил:

— Что вы имеете в виду, старший брат?..

— Просто мне так нравится.

— ...

Прикрыв губы веером, Ван Чжэнь рассмеялся:

— Я пошутил. Когда дело дойдет до дворцового экзамена, если тебя выберут кандидатом в Третью группу выпускников и император лично станет читать твоё сочинение, тогда ты сам поймешь, в чем выгода.

С ворохом сумбурных мыслей Тан Шэнь вернулся домой. Стоило ему открыть прописи, как он обнаружил, что эти прописи написаны рукой самого Ван Чжэня. Поразмыслив, он все понял: Ван Чжэнь хотел, чтобы он сменил почерк!

Даже мудрец ошибается однажды на тысячу раз, но здесь нельзя было допускать оплошностей.

Раньше Ван Чжэнь велел ему изучать «Стелу монастыря Фамыньсы» Чжун Тайшэна. Чжун Вэй когда-то возглавлял список четырех великих ученых Поднебесной, а его каллиграфия отличалась мощью и силой, снискав славу лучшего уставного письма. Учеников, подражавших его стилю, было не счесть: этот почерк усваивался быстро, а выглядел превосходно. Однако на дворцовом экзамене, даже если все кандидаты будут писать стилем Чжуна, Ван Чжэнь не хотел, чтобы Тан Шэнь следовал их примеру.

Он продумал для него каждый шаг.

Тан Шэнь смотрел на прописи с двойственным чувством.

Ван Цзыфэн по отношению к нему, хоть и приходился всего лишь старшим соучеником, во всем проявлял заботу истинного наставника.

Столичный экзамен должен был состояться будущей весной, и Тан Шэнь начал готовиться к нему заранее. Незаметно улицы Шэнцзина наводнили кандидаты. Ученые мужи и литераторы со всех концов страны стекались в столицу в предвкушении предстоящих испытаний.

Тан Шэнь учился в Академии Гоцзыцзянь, и даже если он не стремился разузнать городские новости, соученики сами спешили поделиться ими.

— Вы слышали? Вчера в Шэнцзин прибыл прошлый Цзеюань из Академии экзаменов Цзяннань! Он снял комнату в западной части города!

— Уж не Ван Сяо ли из управы Цзиньлин? Говорят, он дальний родственник клана Ван из Ланья.

— Именно он! Ему следовало сдать столичный экзамен еще два года назад, но тогда он заявил: «Я не уверен, что смогу стать Чжуаньюанем», и отказался от участия. Теперь же он прибыл в Шэнцзин, намереваясь во что бы то ни стало занять первое место.

— Ну и что с того? Наши Лю Фан и Мэй Шэнцзэ из Академии Гоцзыцзянь тоже не лыком шиты.

Мэй Шэнцзэ скромно сложил руки в приветствии:

— Друзья, вы переоцениваете нас. Наш Цзинцзэ тоже сдал экзамен на Яюань, его таланты

выдающиеся.

Эти слова мгновенно привлекли к Тан Шэню всеобщее внимание. Понимая, что друг хотел лишь похвалить его, Тан Шэнь тем не менее с досадой зыркнул на него, безмолвно укоряя за то, что тот втянул его в разговор. Впрочем, внешне он остался невозмутим и вежливо поклонился:

— О звании Чжуанъюаня я и не помышляю, сперва бы просто сдать экзамен!

В шестнадцать лет стать Чжуанъюанем?

Это казалось бы куда более невероятным, чем слава «неподражаемого Чжуанъюаня Ван Цзыфэна»!

Мало того что сам Тан Шэнь никогда не помышлял о подобном, так и ученики Академии Гоцзыцзянь даже представить себе не могли, что он способен занять первое место.

<http://bllate.org/book/18292/1754512>